

во-первых, желание, чтобы после моей смерти говорили, что я умерла женой Катона; во-вторых, я хочу, чтобы после смерти не болтали, будто ты меня прогнал, но уверились, что ты по доброй воле на мне женился». Обе эти причины и подвигли благородную душу; она и расстаться с этой жизнью хочет как невеста Божья и желает показать, что поступки ее были угодны Богу. О вы, несчастные и рожденные во зле, мечтающие уйти из этой жизни скорее под именем Гортензия, чем Катона! Именем Катона отрадно завершить то, что подобало сказать о признаках благородства, ибо Катон благороден на протяжении всех возрастов.

XXIX.

После того как в канцоне были названы добродетели, которые в каждом возрасте обнаруживаются в человеке благородном и по которым его можно распознать, добродетели, без коих человек не может существовать, как солнце без света и огонь без тепла, канцона, завершая изображение благородства, взывает к людям: «О вы, выслушавшие меня, вы видите, сколько людей ошибалось!» – то есть людей, которые только потому, что вышли из славных и древних родов и происходят от выдающихся предков, считают себя благородными, не имея в себе никакого благородства. И здесь возникают два вопроса, к которым неплохо обратиться в конце настоящего трактата. Сер Манфреди да Вико, именующийся ныне Претором и Префектом, мог бы сказать: «Кем бы я ни был, я напоминаю о своих предках и представляю своих предков, которые своим благородством заслужили сан Префекта и заслужили себе право приложить руку к венчанию Императора и право получить розу от римского Пастыря: я должен получать от людей почет и уважение». Это один вопрос. Другой заключается в том, что люди из рода Санто Надзаро в Павии и из рода Пишителли в Неаполе могли бы сказать: «Если благородство есть то, что говорили, а именно Божественное семя, милостиво заложенное в человеческую душу (потомства же или семьи, как очевидно явствует, души не имеют), то ни одно потомство и ни одна семья не могли бы называться благородными, а это противоречит мнению тех, кто утверждает, что их семьи в высшей степени благородны в их городах». На первый вопрос отвечает Ювенал в восьмой сатире, когда он начинает, как бы восклицая: «Что толку от этих почестей, унаследованных от предков, если тому, кто хочет в них рядиться, живется плохо? Если тот, кто рассуждает о своих предках и кичится их великими и дивными подвигами, занимается жалкими и подлыми делами?» В самом деле, «кто назовет, – говорит поэт-сатирик, – благородным по происхождению того, кто недостоин хорошего происхождения? Это все равно что карлика называть великаном». Далее, обращаясь к такому человеку, поэт говорит: «Между тобой и статуей, воздвигнутой в память твоего предка, нет никакой разницы, кроме того, что его голова мраморная, а твоя живая». Но в этом, не в обиду ему будь сказано, я расхожусь с поэтом, поскольку статуя из мрамора, дерева или металла, поставленная в память какого-нибудь достойного человека, действует на окружающих совершенно иначе, чем это делает негодный потомок человека, в ней увековеченного. Ведь статуя всегда поддерживает доброе мнение в тех, кто слышал о доброй славе того, кому статуя поставлена, а в других вызывает к нему уважение; негодяй же, сын или внук, поступает совсем по-другому, ослабляя мнение тех, кто слышал хорошее о его предках; о таком потомке Ювенал говорит: «Не может быть, чтобы предки этого человека были такими, какими он их изображает, коль скоро из семени их получилось растение, какое мы видим». Поэтому не честь, а бесчестие – удел того, кто дурным примером позорит хороших людей. А потому Туллий и говорит, что «сын достойного человека должен всегда заботиться о том, чтобы подтверждать своим поведением добрую славу родителя». Вот почему, по моему суждению, всякий клеветующий на доброго человека заслуживает того, чтобы люди от него бежали и к нему не прислушивались; точно так же и негодяй, но хорошего происхождения заслуживает того, чтобы все гнали его от себя, а хороший человек должен отворачиваться, чтобы не видеть позора, который пятнает доброе имя, сохранившееся в памяти людей.

На второй вопрос можно ответить, что потомство как таковое души не имеет; его действительно называют благородным, и оно до известной степени и есть благородное. При этом надо помнить, что всякое целое состоит из частей. Иное целое имеет сущность простую и ту же, что и его части, подобно тому как человек имеет единую сущность как в целом, так и в каждой его части; а то, что говорится о части, совершенно так же говорится и о целом. Другое целое таково,